

ПУШКИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В СТИХАХ ВЛАДИМИРА КУЧЕРЯВКИНА

Сюй Шуан

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
xixxushuang@163.com

PUSHKIN REMINISCENCES IN THE POEMS OF VLADIMIR KUCHERYAVKIN

Xu Shuang

Summary: The article analyses the phenomena of intertextual poetics in the poetry of Vladimir Kucheryavkin. Poems from Kucheryavkin's poetry collection «Contemplation S» were selected as material for the study. The presence of the intertextual feature in the poems of Kucheryavkin's collection under consideration is primarily since there is a general tendency of quoting from other poets in contemporary poetry. The article will first examine Kucheryavkin's list of quotations in his poems. He quotes not only the Oberiuts like Zabolotsky, Oleynikov, and Vaginov, but also classics of Russian and foreign literature like Pushkin, Lermontov, Tyutchev, Blok, Akhmatova, Mayakovsky, Yesenin, Mandelstam, etc. Specific intertextual poetics in Kucheryavkin's poems will also be listed. The style of Kucheryavkin's word usage will be analyzed, for example, the word «oblak», which has an archaic character and is an obvious quotation from Tyutchev. The work will emphasize the epigraphs in Kucheryavkin quoted in Lermontov («Do I hear your voice, ringing and caressing...» - «She woke up, but she does not want to get up...», from Khlebnikov («Until now we do not know who we are...» - «The computer's unbearable stream makes noise...»; «The spear of the Tartars touches whatever it touches...» - «The rebellious nations make noise...»), and in the Revelation of John the Theologian: «And I took the book... and ate it.» Then the article analyses the poem «A Monument. Here he stands shaking his head...» as a vivid example of intertextual poetics; works connected with the tradition of Horatian «monuments» — poems by Esenin and Mayakovsky addressed to Pushkin, as well as «Give Tyutchev a dragonfly...» by Mandelstam are considered as pre-texts.

Keywords: V.I. Kucheryavkin, Contemplation S, intertextual poetics, A.S. Pushkin, F.I. Tyutchev, V.V. Mayakovsky, S.A. Esenin, O.E. Mandelstam, monument.

Аннотация: В статье рассматриваются явления интертекстуальных отсылок в поэзии Владимира Кучерявкина. В качестве материала для исследования были отобраны стихи из Кучерявкинского стихотворного сборника «Созерцание С». Наличие интертекстуальной черты в стихах рассматриваемого сборника Кучерявкина обусловлено прежде всего тем, что сложилась общая тенденция цитирования у других поэтов в современной поэзии. В работе сначала будет рассмотрен список цитирования Кучерявкина в своих стихах. Он цитирует не только обэриутов, как Заболоцкого, Олейникова, и Вагинова, но и классиков русской и зарубежной литературы, как Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Ахматовой, Маяковского, Есенина, Мандельштама и т.д. Будут также перечислены конкретные интертекстуальные отсылки в стихах Кучерявкина. При этом анализируется стиль словоупотребления Кучерявкина, например, слово «облак», носящее архаичный характер и являющееся явной цитатой у Тютчева. В работе будут выделены эпитафии у Кучерявкина цитируемые у Лермонтова («Слышу ли голос твой, звонкий и ласковый...» — «Она проснулась, но встать не хочет...», у Хлебникова («До сей поры не знаем, кто мы...» — «Шумит компьютера неласковый поток...»; «Копье татар чего б ни трогало...» — «Шумят мятежные народы...»), и у Откровения Иоанна Богослова: «И взял я книжку... и съел ее». Далее в работе рассматривается стихотворение Кучерявкина «Памятник. Вот он стоит, качая головой...» как выразительный образец полицитатности; в качестве претекстов рассматриваются произведения, связанные с традицией горацанских «памятников» — обращенные к Пушкину стихи Есенина и Маяковского, а также «Дайте Тютчеву стрекозу...» Мандельштама.

Ключевые слова: В.И. Кучерявкин; полицитатность; А.С. Пушкин; «Ода к Мельпомене» Горация; В.В. Маковский; С.А. Есенин; «...Вновь я посетил...», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Владимир Иванович Кучерявкин (1948) пишет стихи с 1970-х гг., с 1980-х публиковался в самиздатской периодике. С 1994 года вышло несколько его книг, в основном поэтические сборники («Танец мертвой ноги» 1994 г., «Треножник» 2001 г., «В открытое окно» 2011 г., «До Янджоу тысяча ли» 2018 г. и другие).

Мы будем анализировать сборник «Созерцание С» (М.: НЛО, 2014), включивший стихи из 22 циклов, написанных, видимо, в основном в 2000-х гг., в целом относящихся к зрелой эпохе творчества Кучерявкина и репрезентативных для его поэтики.

Н.А. Фатеева писала в 2000 г.: «...[В] литературе последних лет каждый новый текст просто иначе не рождается, как из фрагментов или с ориентацией на «атомы» старых, причем соотношение с другими текстами становится не точечным, а обще композиционным, архитектурным принципом...» [Фатеева 2000: 31]¹ Эти слова вполне справедливы и для Кучерявкина.

Критики видят в поэзии Кучерявкина традиции обэриутов, например, Заболоцкого и Олейникова, Вагинова; иногда связь с традицией подчеркивается пря-

1 Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000. С. 31.

мыми интертекстуальными отсылками (особенно подробно об этом пишет А. Кобринский [Кобринский 2004: 182–196]², см. также отдельные замечания А. Скидана [Скидан 2002: 5]³).

Интертекстуальное начало в его стихах не ограничивается отсылками к обэриутам. Список поэтов, о которых Кучерявкин напоминает в «Созерцании С» оказался довольно широким, в него входят поэты разных эпох: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Блок, Ахматова, Есенин, Мандельштам (реминисценции из Мандельштама, кстати, отмечал и Кобринский, правда, в стихах более ранних; мы предполагаем отсылку к стихотворению Мандельштама «Над желтизной правительственных зданий...» в стихотворении Кучерявкина «Декабрь. Праздник», где тоже изображен зимний Петербург: «Россия отдыхает в этом мире» [Кучерявкин 2002: 83]⁴).

Отсылка к пушкинскому «Я помню чудное мгновение» очевидна в стихотворении «Я помню: вяло, скучно / Тащились дни мои...» [Кучерявкин 2014: 82]. Лермонтовский (и бестужевский) белеющий «парус одинокой» сравнивается со случайной прохожей («Женщина спешит куда-то, / Ах, она как парус белый, / Одинокий над водой!»); с цитатой из Лермонтова в том же тексте соседствует столь же узнаваемая цитата из «Черного человека» Есенина, причем удивительные свойства, которыми у Есенина обладает лирический герой, у Кучерявкина приписываются Петербургу: «И ушами город машет, / Словно он и сам поэт» [Кучерявкин 2014: 51].

Встречаются отсылки менее очевидные (тем более что ритм стихотворения Кучерявкина может быть очень непохожим на ритм прототекста: так, за бодрым кучерявкинским: «Из удивительного сора / Защебечут соловьи» [Кучерявкин 2014: 74] стоит, думается, патетическое ахматовское: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи...», тем более, что оба стихотворения — о поэтическом вдохновении.

Иногда о классическом предшественнике, о его стиле и словоупотреблении напоминает одно слово: так, «облаки ходят по небу» [Кучерявкин 2014: 65] у Кучерявкина (по образованию он филолог-русист, выпускник Ленинградского университета), видимо, не просто «странность», но маркировано как восходящее к Тютчеву, употреблявшему эту архаическую версию слова в мужском роде) «На месяц взглянь: весь день, как облак тощий, / Он в небесах едва не изнемог» («Ты зрел его в кругу большого света...»). Возможно, кстати, что Кучерявкин напоминает нам здесь не только о Тютчеве, но и о своем предшественнике В. Сидорове («Косматый облак надо мной ко-

чует...»), чья попытка следовать за Тютчевым оказалась не опознана и осмеяна в популярной пародии А. Иванова («В худой котомк поклав ржаное хлебо...»).

В стихотворении «Ни финну, дикому донине. / Сюда уж больше он не ходит. / Как саранча прошла по девственной природе: / Не пустынь тут теперь, пустыня.» («Вуокса» [Кучерявкин 2014: 96]) Кучерявкин цитирует стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» несмотря на то, что в стихе Пушкина дикий не финн, а тунгус, но все равно напоминает нам об этом стихе.

Мы собираемся обсудить обильные пушкинские реминисценции в стихотворении «Устал переводить американский роман», написанном осенью 2008 г. (опубл.: [Кучерявкин 2014: 191]; нам не удалось установить, какой именно «американский роман» тогда мог устать переводить Кучерявкин, вообще много переводивший ради заработка; возможно, здесь мы имеем дело с художественным обобщением старого опыта).

Приведем текст стихотворения:
 Неизъяснимо наслажденье,
 Когда презрев все чужеземны книги,
 Выходим на крыльцо, берем топор и ломик,
 Осенний воздух вдыхаем полной грудью
 И выступаем в сад ломать забор,
 Совсем уж сгнивший, обветшалый,
 Чтобы на месте том поставить новый, крепкий,
 Который, верно, простоит полсотни лет
 И крепостью послужит даже внукам,
 Когда в земле оставим тело отдыхать,
 Переселясь в миры иные, запредельны.
 На небе солнышко играет невысоко,
 Пожухлый лист срывает ветер, оголяя
 Нам ветви дуба и смородины, и сливы,
 В окно ребенок ручкой нежной машет
 И ласково смеется, глядя, как с восторгом
 Мы лупим топором, таскаем доски —
 И пляшет на руках красавицы-жены...

Пушкина поэт здесь цитирует уже в первой строке, что задает для нас восприятие произведения. «Неизъяснимо наслажденье», конечно, восходит к знаменитому монологу Вальсингама в «Пире во время чумы» («Неизъяснимы наслажденья — / Бессмертья, может быть, залог! / И счастливы тот, кто средь волнения / Их обретать и ведать мог»).

Но дальше становится все заметнее присутствие отсылок к другому пушкинскому произведению — к стихотворению «...Вновь я посетил...». Сходство очевидно здесь и на тематическом, и на формальном уровне, оно проявляется и в обращении к некоторым пушкинским

2 Кобринский А.А. Авангард после авангарда // Дружба Народов, № 4, 2004. С. 182–196.

3 Скидан А. <Рецензия> Владимир Кучерявкин. Треножник // Новая русская книга. 2002, № 1. Цит. по: <http://www.litkarta.ru/dossier/skidan-o-kucheriavkine/> (дата доступа: 06.11.2023).

4 Кучерявкин В. Созерцание С. М., 2014. С. 83. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

лексемам и образам.

Как и у Пушкина, у Кучерявкина утверждается радость плодотворного труда, которую испытывает горожанин, «убежавший» в деревню (эта восходящая к Горацию важная тема европейской поэзии в русской традиции связывается прежде всего с Пушкиным и его стихами от «Деревни» до «Пора, мой друг, пора...»).

Мысли о «внуках» и образы деревьев в стихах современного поэта воспринимаются как часть совокупности отсылающих к Пушкину черт.

Есть здесь и очевидное формальное сходство: оба произведения написаны разностопным белым ямбом с доминированием пятистопных строк. Четырехстопный ямб в первой строке у Кучерявкина, возможно, должен производить то же впечатление, которое производит многоточие и отступ вправо, с которого начинается пушкинское стихотворение, – впечатление продолжающейся речи, некоторого пробела в начале, чего-то пропущенного (например, стопы, но и не только). Оговоримся, что у Кучерявкина есть характерный для него сбой ритма в строке «Осенний воздух вдыхаем полной грудью».

Заметная формальная особенность, отсылающая к старинной поэзии, в том числе и к пушкинской, – присутствие в стихах Кучерявкина усеченных прилагательных, – «поэтической вольности», которой уже Пушкин пользуется редко, однако в цитируемом фрагменте «Пира во время чумы» они есть: «Всё, всё, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / *Неизъяснимы* наслаждения». У Кучерявкина – «*чужеземны* книги» и «миры... *запредельны*».

(Позволим себе, отвлекаясь от разговора о том, как живет пушкинское «...Вновь я посетил...» в современной поэзии, заметить, что здесь у Кучерявкина, кроме последовательного перепева «на свой салтык» одного стихотворения и почти прямой цитаты из «Пира во время чумы», возможно, есть отсылка к еще одному пушкинскому стихотворению, «Два чувства равно близки нам...»: в строке «Когда в земле оставим тело отдыхать...»)

В обоих стихотворениях авторы подводят философский итог своей жизни. Они вспоминают прошлое, анализируют настоящее и обращаются к будущему поколению.

Некоторые стихотворения в «Созерцании С» имеют эпитафии, и важные для поэта предшественники и произведения оказываются таким образом прямо названы. Эпитафии берутся из Лермонтова («Слышу ли голос твой, звонкий и ласковый...» – «Она проснулась, но встать не хочет...» [Кучерявкин 2014: 78]), из Хлебникова

(«До сей поры не знаем, кто мы...» – «Шумит компьютера неласковый поток...» [Кучерявкин 2014: 36]; «Копье татар чего б ни трогало...» – «Шумят мятежные народы...» [Кучерявкин 2014: 41]). Стихотворение «Никак не разжевать мне время это...» предваряется словами из Откровения Иоанна Богослова: «И взял я книжку... и съел ее» [Кучерявкин 2014: 39].

С основным текстом стихотворения эпитафия может взаимодействовать довольно сложным образом. Так, стихотворению «Друг мой, с хрустом ползают люди, послушай...» предшествует эпитафия из арабского поэта VIII века Башшара ибн Бурда («Погоди! В Ираке перекликаются наши кони»), в самом стихотворении эта строка повторяется трижды, и оказывается в соседстве со словами Лермонтова / Гейне: «На севере диком легко у окна – как в темнице» [Кучерявкин 2014: 89]; семантическая связь тут, кажется, прозрачна: сосна мечтает, как известно, о пальме, растущей где-то на юго-востоке, в местах, не чужих для Башшара ибн Бурда.

Такое соположение, напластование разных отсылок есть, например, в стихотворении «Памятник. Вот он стоит, качая головой» [Кучерявкин 2014: 79], которое можно прочитать как своеобразный манифест Кучерявкина:

Памятник. Вот он стоит, качая головой.

В лице, в фигуре смысла — кто там разберёт.

Но проходит за годом год,

А он стоит, а ты живой.

Но я уйду, но я уйду

Шагать по облакам стопою нежной.

А тут пока с доверчивой надеждой

Гляжу на ныне дикий финн

И на тунгус угрюмый, на русский, на калмык.

Любимые слова пою на свой салтык.

Здесь Кучерявкин, во-первых, прямо цитирует знаменитое стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», делая при этом характерные для себя грамматические «ошибки» и в последней строке предлагая формулу трансформации реминисценций: «Любимые слова пою на свой салтык».

Позволим себе осторожно предположить, что явно маркированное как тюркское последнее слово стихотворения Кучерявкина, «салтык» вместе с демонстративно неправильным склонением существительных в цитате из Пушкина может намекать нам на «татарина»-Державина, о котором Пушкин говорил, что «его гений думал по-татарски – а русской грамоты не знал за недоугом» [Пушкин]⁵

Цитируя и переделывая Пушкина, Кучерявкин тем самым присоединяется к большой традиции русских по-

5 Письмо к А.А. Дельвигу, не позднее 8 июня 1825 г. // Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М., 1962. С. 161.

этических «памятников»: как известно, стихотворение самого Пушкина находится в сложных семантических отношениях не только с «Одой к Мельпомене» Горация, но и с предшествующими ее переделками на русском языке: сокращенным переводом Ломоносова и «Памятником» Державина [Пумпянский 1977: 136–151]⁶.

К этой традиции «памятников», перерастающей переделки оды Горация, принадлежат и обращения к памятнику Пушкина на Страстном бульваре Есенина и Маяковского. Их стихи, как нам думается, тоже отозвались у Кучерявкина.

Есенина Кучерявкин почти прямо цитирует: у Кучерявкина памятник «стоит, качая головой», у Есенина сказано: «Трясешь ты гордой головой». Понятно, что сам по себе памятник такого образа породить не может, поэтому мы и считаем, что Кучерявкин непосредственно отсылает здесь к Есенину; разумеется, впрочем, что этот фантастический образ связан со столь важным для Пушкина как автора «Медного всадника» и «Каменного гостя» мотивом оживающей статуи. Памятник Пушкина обретает способность двигаться и в «Юбилейном»: он сходит к Маяковскому с пьедестала.

Есть и еще конкретные, словесные переключки: например, как и Есенин, Кучерявкин называет свое поэтическое творчество *пением* («Любимые слова пою на свой салтык» — «Еще я долго буду петь... / Чтоб и мое степное пенье / Сумело бронзой прозвенеть»).

Когда Кучерявкин цитирует, демонстративно искажая, пушкинское «Ехеги monumentum», он следует в этом за Маяковским, который в «Юбилейном» по-своему, гротескно снижая, вспоминает свои самые любимые стихи Пушкина: письмо Онегина к Татьяне («Дескать, муж у вас дурак и старый мерин, / я люблю вас, будьте обязательно моя, / я сейчас же утром должен быть уверен, / что с вами днем увижусь я»).

И, конечно, к стихам Есенина и Маяковского восходит, помимо названных нами выше частных деталей и поэтических ходов, сама ситуация: живой человек, поэт, находится перед памятником, сравнивает себя с Пушкиным, стремится отнестись к Пушкину как к живому. Глагол «стоять» присутствует во всех трех текстах, у Маяковского многократно повторяясь (и приобретая дополнительные смыслы: «После смерти нам стоять почти что рядом», «Этот нам кампания – пускай стоит»). При этом Кучерявкин употребляет глагол «стоять» заметно иначе, чем Есенин и Маяковский: в стихотворении Есенина живой поэт стоит перед памятником («Стою я на Тверском бульваре, / Стою и говорю с тобой»), у Маяковского ему самому и Пушкину «стоять почти что рядом», – у Куче-

рявкина этому соответствует, казалось бы, самое тривиальное: «Памятник. Вот он стоит...». Это намеренное упрощение, как нам думается, для Кучерявкина оказывается способом заговорить о том же самом, о чем говорили Есенин и Маяковский: противопоставить памятник («мертвечину» для Маяковского, «бронзу выкованной славы» у Есенина, бессмысленность для Кучерявкина: «В лице, в фигуре смысла — кто там разберёт») и продолжающую жизнь поэзии. Напомним, что такое противопоставление материального памятника, меди и камня, живому духу поэта, сохраняющемуся в его стихах, было главным в исходном претексте – «Оде к Мельпомене» Горация, и сохраняется как главная идея во всех последующих русских поэтических «памятниках», как бы сильно они ни отличались друг от друга. Но если у поэтов-предшественников эта идея была выражена развернуто, эксплицитно, риторически ясно, порождая формулировки, становящиеся «крылатыми словами» («Я люблю вас, но живого, а не мумию», «Ненавижу всяческую мертвечину, / Обожаю всяческую жизнь!»), то современный поэт предлагает нам семантически неожиданную, – возможно, и не сразу понятную последовательность личных местоимений:

«А он стоит, а ты живой.
Но я уйду...»

«Ты», как мы понимаем, – это обращение к Пушкину, опять приобретающее способность эмоционально подействовать на читателя из-за своей неожиданности и некоторой грамматической парадоксальности: «он» – памятник Пушкину, «ты» – сам Пушкин, живой, тот, к кому можно обратиться; а в следующей строки смысл высказывания дополнительно осложняется еще одним личным местоимением, к тому же повторяющимся: «я». (У Есенина обращение к Пушкину сформулировано прямо: «О Александр!», у Маяковского в самом начале: «Александр Сергеевич...»).

Позволим себе также предположить, что противительный союз «но» и движение лирического героя прочь («Но я уйду, но я уйду / Шагать по облакам стопою нежной»), не теряя своей загадочности, тем не менее могут быть отчасти пояснены тем, что в этом фрагменте стихотворения, возможно, есть реминисценция из Мандельштама:

Баратынского подошвы
Раздражают прах веков.
У него без всякой прошвы
Наволочки облаков.
(«Дайте Тютчеву стрекозу...»)

Если Есенин и Маяковский сравнивают себя с Пушкиным и, в сущности, уподобляют себя ему, то современный поэт склонен говорить о различиях (не может позволить себе прямого уподобления). Заметим, что противопо-

6 Подробнее об этом см.: Пумпянский Л.В. Об оде Пушкина «Памятник» // Вопросы литературы. 1977. № 8. С. 136–151.

ставление Пушкина и Баратынского свойственно в большей степени позднейшей традиции (так, их противопоставлял Бродский в своем разборе элегии Баратынского «Запустение»), тогда как для XIX века Баратынский был всего лишь одним из поэтов пушкинской плеяды.

Полицитатность, так ярко проявившуюся в анализируемом стихотворении Кучерявкина и вообще характерную, как известно, для современной литературы, некоторые исследователи понимают как отказ от авторского

«я» (см., например, слова И.С. Скоропановой о том, что «я» в постмодернизме «множественно, безлично, неопределенно, нестабильно, выявляет себя посредством комбинирования цитаций» [Скоропанова 2004:5]. В случае Кучерявкина, однако, нам представляется более точным сформулированное Л.В. Зубовой представление о нем как об «ироничном лирике» [Зубова 2001:5]: спетые, как сказано в финале приведенного выше стихотворения, «на свой салтык», старые хорошие стихи не делаются из-за переименования менее «любимыми».

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубова Л.В. Предисловие // Кучерявкин В. Треножник: Стихи, проза. СПб., 2001.
2. Кобринский А.А. Авангард после авангарда // Дружба Народов, № 4, 2004.
3. Кучерявкин В. Созерцание С. М., 2014.
4. Письмо к А.А. Дельвигу, не позднее 8 июня 1825 г. // Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М., 1962.
5. Пумпянский Л.В. Об оде Пушкина «Памятник» // Вопросы литературы. 1977. № 8.
6. Скидан А. <Рецензия> Владимир Кучерявкин. Треножник // Новая русская книга. 2002, № 1. Цит. по: <http://www.litkarta.ru/dossier/skidan-0-kucheriavkine/> (дата доступа: 06.11.2023).
7. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: учебное пособие. М., 2004.
8. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000.

© Сюй Шуан (xuxixushuang@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»